

Однако наряду с этими верными заключениями и общей характеристикой основных черт баштины и пронии в Сербской державе Неманичей, в историографии встречаются и положения, оставляющие все еще не вполне ясными причины появления проний в аграрной системе Сербии и реальное соотношение их с византийскими феодальными институтами. Так, в своей монографии о судьбах пронии Г. А. Острогорский писал, что после завоевания Македонии Неманичами или даже, возможно, «гораздо раньше» система проний «проникла в Сербское государство», более того, она «распространилась и на сербские области, отвечая нуждам феодального Сербского государства»³.

В другом случае Острогорский относил этот вывод и к Болгарии, замечая, что «из Византии система пронии перешла в славянские страны Балканского полуострова, потому что эта система отвечала условиям и потребностям феодального строя в этих землях»⁴.

Между тем имеющиеся источники, как нам кажется, не служат бесспорным подтверждением таких выводов, в особенности тезиса о появлении проний в Сербии задолго до 1300 г. (чуть ли не с середины XII в.)⁵. Поэтому, прежде чем обратиться к сербским памятникам (в первую очередь — к Георгиевской грамоте 1300 г.), мы должны четко сформулировать цель исследования. Действительно ли пронии в этот период (в конце XIII — первой половине XIV в., когда совершались сербские завоевания византийских областей) встречаются как остатки византийского военного и социального строя или же, напротив, на этом этапе их существование и распространение уже соответствовало нуждам и потребностям сербской государственности? Здесь вполне закономерно возникает вопрос, каким именно потребностям сербского феодального строя могла послужить прония, т. е. военное феодальное владение или держание (иногда, видимо, скорее подобие кормления), если сербские баштинники, как известно, были обязаны нести военную службу под знаменами своего сюзерена⁶.

Сербский историк С. Новакович, например, видел различие баштины и пронии в том, что первая была наследственным военным имением, а вторая — личным, не наследственным военным имением⁷.

Разумеется, можно понять, что, исходя из таких представлений о баштине и пронии, Новакович делал вывод, будто король Милутин их «ввел в сербские учреждения с намерением лучше организовать и укрепить сербское войско»⁸. Возможно, приведенные выше высказывания Г. Острогорского о соответствии пронии неким нуждам сербской государственности имеют основой именно эту точку зрения Новаковича. Однако аргументация последнего, как показывают имеющиеся источники и новейшая литература (в том числе и сама монография Острогорского о пронии), не выдерживает критики.

Не говоря уже о том, что тезис Новаковича о принадлежности баштины к военно-государственной организации Болгарского царства не подкрепляется никакими болгарскими свидетельствами. (ввиду почти полного отсутствия таких грамот), следует подчеркнуть, что Г. Острогорский по-дробно осветил судьбы пронии в поздней Византии, убедительно показав, что уже при Михаиле VIII Палеологе (1259—1282) пронии стали *наследственными* владениями византийских аристократов⁹. Иными словами,

³ Г. Острогорски. Пронција, стр. 128.

⁴ Там же, стр. 127.

⁵ Ср. В. Чубрилович. Око проучавања средњовековног феудализма. — «Историски часопис», кн. III, 1952, стр. 196.

⁶ См., например, ст. 42 Законника Стефана Душана.

⁷ С. Новакович. «Баштина» и «больар» у југословенској терминологији средњег века. — «Глас Српске Краљевске Академије», ХСII (54), 1913, стр. 229.

⁸ Там же.

⁹ Г. Острогорски. Пронција, стр. 62—63, 70—75, 88—91.